

Случай “Диссернета”.

№3 / апрель 2016

Опыт выживания волонтерского гражданского сообщества в агрессивной политической среде

За три с половиной года, минувших с того дня, как вступил в силу “Закон об иностранных агентах”¹, Россия получила стойкую репутацию страны, где государство систематически преследует самостоятельную и самоорганизованную общественную деятельность своих граждан.

Любые возможности для коллективного приложения гражданской энергии в любых ее формах к делу, которое кажется людям полезным, здесь оказываются предметом пристального и в лучшем случае неодобрительного внимания разнообразных контрольных и правоохранительных органов. В конечном итоге российское государство считает вредной и опасной для себя любую работу, которую люди общими усилиями ведут по собственной воле, на собственное усмотрение, сами себя организуя и поощряя, самостоятельно привлекая новых участников и самостоятельно отчитываясь перед обществом о результатах, — если такая работа не преследует отчетливо видимых целей получения какой-то понятной материальной выгоды.

Коротко говоря, с точки зрения государства, если люди собираются вместе, чтоб поработать — это еще туда-сюда, но если они вместе затевают что-нибудь просто потому, что им их занятие интересно и важно, — это очень подозрительно. Иными словами, государство стремится закрепить за собой монополию на всякое действие, определяющее собою качество жизни граждан, в значительной мере регулирующее само содержание этой жизни.

Российское государство против НКО. Тактика выжженной земли

Принудительное наделение российских НКО оскорбительным статусом “иностранного агента” оказалось в последние годы наиболее эффективным и широко применяемым инструментом государственных репрессий против самоорганизованной общественной деятельности. Чиновники разного ранга — от мелких провинциальных столоначальников до министров и сотрудников кремлевской администрации — привычно ссылаются на то, что “статус иностранного агента не подразумевает какой-то запрет на деятельность”. Дескать, по закону статус “агента” — всего только полезная для граждан “честная информация” об источнике финансирования, и сама по себе она ничем работе НКО не угрожает.

В действительности если НКО, получив решение о внесении в реестр “иностранных агентов”, не ликвидируется сама, большая часть персонала такой организации оказывается занята составлением бесконечной и бессмысленной отчетности — сбором и предоставлением документации по издевательски придирчивым запросам множества проверяющих и контролирующих инстанций. Поскольку эту отчетность требуется предоставлять на бумаге, в распечатанном виде (а это, кстати, попросту означает, что контролирующие инстанции изначально даже и не предполагают эту отчетность анализировать), счет документам часто идет на метры: иногда собирается стопка бумаги высотой в челове-

ческий рост. Все это напоминает о традициях лагерного наказания бессмысленным трудом: до обеда — выкапывать яму, после обеда — ее же закапывать.

Для “иностранный агент” становятся невозможными любые контакты с государственными учреждениями, в частности со всей сферой образования, с любыми информационными компаниями, так или иначе контролируемые или финансируемые органами власти, федеральными или местными. Полностью исключается деятельность таких НКО в российской провинции: региональные и муниципальные учреждения, а чаще всего и частные компании, шарахаются от любых контактов с “агентами”.

К началу февраля 2016 года в официальном “Реестре НКО, выполняющих функции иностранного агента”, опубликованном на сайте министерства юстиции РФ³, успели побывать 113 организаций. Двадцать одна из них со временем была из списка исключена, однако ущерб, нанесенный деятельности подобных организаций, к этому моменту чаще всего уже оказывался катастрофическим: восстановить нормальную работу в большинстве случаев оказывается невозможно.

Среди этих 113 юридических лиц нет и не было ни одной политической партии, политического движения, избирательного объединения или блока — ни одной организации, работа которой могла бы быть названа политической в обычном понимании, то есть предполагала бы в своей работе достижение собственно политических целей.

Между тем не стоит думать, будто российскому законодателю не известно разумное определение понятия “политическая деятельность”. Оно им давно выработано и используется, в частности, в нормативных документах, определяющих статус тех или иных государственных должностных лиц, отправление функций которых несовместимо с активным занятием политикой, — к примеру, судей, прокуроров, следователей. В этих законах определение политической деятельности сводится всего к двум пунктам: участию в качестве кандидатов на выборах в какие-либо органы государственной власти, а также оказанию поддержки другим кандидатам на та-

ких выборах (хоть прямо, хоть косвенно — в форме критики их оппонентов).

К общественным организациям такие простые и понятные критерии не применяются, отчего реестр “иностранных агентов” оказывается наполнен правозащитными, просветительскими, образовательными, благотворительными организациями, никогда не имевшими никаких политических амбиций.

В этом списке из нынешних или бывших “иностранных агентов” можно обнаружить уже шесть региональных организаций, входящих в Международный “Мемориал”, старейшее в России сообщество правозащитных НКО, занятых главным образом историческими исследованиями и увековечением памяти жертв политических репрессий в СССР и России. Там упомянуто крупнейшее в стране региональное (Санкт-Петербургское) отделение “Солдатских матерей России”. Там фигурируют пять разных юридических лиц федерального или регионального уровня, входивших в сеть общественных организаций “Голос” и занимавшихся сбором и анализом информации о нарушениях избирательной процедуры. Там собран целый ряд организаций, оказывающих юридическую помощь гражданам в случае нарушения их прав сотрудниками силовых структур, судебных органов, пенитенциарной системы (“Общественный вердикт”, “Юристы за конституционные права и свободы”, “Комитет против пыток”, “Агора” и т.п.). Там обнаруживаются десять объединений экологов и защитников окружающей среды, два сообщества борцов за права потребителей, три добровольных научно-исследовательских объединения и пр.

Огромный общественный резонанс получило признание “иностранным агентом” благотворительного фонда “Династия”: его финансировала из собственных средств семья Дмитрия Зимины, одного из основателей российской индустрии мобильной связи. Этот капитал был заработан в России — и в России же с него были уплачены налоги. Минюст даже не отрицал, что “Династия” поддерживала исключительно образовательные программы, исследовательские и издательские проекты, а также персонально выдающихся ученых, учителей, авторов научно-популярной лите-

ратуры. Но это не помешало министерству принять в отношении “Династии” несправедливое и оскорбительное решение, после чего фонд немедленно объявил о прекращении своей деятельности.

Авторы и толкователи этого репрессивного закона в прокремлевской официальной прессе — а главное, те, кто его применяет на практике, — нередко утверждают, что избежать внесения в реестр проще простого: достаточно воздержаться от финансирования деятельности НКО из-за рубежа. Но в действительности среди организаций, назначенных Минюстом в “иностранные агенты”, немало тех, которые никогда не имели в своих бюджетах ни единого цента, принятого от иностранного жертвователя, партнера или заказчика. Есть и такие, которые с момента создания работали исключительно за счет волонтерской работы своих участников и сторонников, то есть вообще без всякого финансирования. Есть пример уже упомянутой “Династии”, когда учредитель благотворительного фонда финансировал свою собственную работу своими собственными деньгами, но хранил их в иностранном банке. Есть анекдотический случай, когда “иностранным финансированием” был признан факт присуждения организации престижной международной премии (состоящей, кроме красивого диплома, еще из денежной части), — причем лауреата не спасло от включения в реестр даже то обстоятельство, что он от этой премии предусмотрительно отказался⁴.

Практической возможности гарантировать себя от обвинения в получении иностранного финансирования попросту не существует. С тех пор, как “Закон об иностранных агентах” вступил в силу, любая российская некоммерческая организация, которая пытается в своей деятельности избежать ежеминутного контроля и присмотра госчиновников, находится под угрозой.

Вы хотите собирать небольшие пожертвования на сайте — и устанавливаете там обычные “платежные шлюзы”, чтоб посетителям было удобно делать свои взносы? Но вот в ленте ваших платежей отыскивается несколько микротрансакций, совершенных с использованием кредитных карт, эмитированных

банками за пределами России, — и получение вами “денежных средств из-за рубежа” можно считать доказанным.

Вы готовы принять частное пожертвование наличными от посетителя, пришедшего прямо в офис вашей НКО? Или опрашиваете его в банк, снабдив вашими реквизитами? Но вот ваш жертвователь задним числом, хоть через полгода, невзначай оговаривается, давая официальные пояснения или показания по какому-нибудь совершенно постороннему, ничем не связанному с вашим, делу, что принес деньги по поручению своего знакомого, живущего за границей, — теперь и у вас тоже обнаруживается нежданный-негаданный “иностранный источник финансирования”. В обоих случаях вы оказываетесь в реестре “иностранных агентов”.

Такого рода ловушки во множестве рассеяны на пути российских НКО. В результате риск приобрести ярлык “иностранный агент” перестает зависеть от желания организации иметь иностранных партнеров, а связан исключительно со степенью ее лояльности: “вредная”, с точки зрения государства, НКО рано или поздно обязательно станет “агентом”, ну а “полезная” может о таких неприятностях не беспокоиться.

Формирование агрессивной среды. Давление на прессу

Принимая законы об “иностранных агентах” и о “нежелательных организациях”, государство не изменило самый подход к контролю над гражданским обществом; оно лишь распространило и ужесточило тот метод, который до того не раз использовался в отношении независимой (или хоть в какой-то мере неподконтрольной государственной администрации) прессы. Специально для журналистов не изобретали “иностранных агентов”, но задача ставилась именно такая: ограничить доступ к “бесконтрольному” финансированию. С одной стороны — не дать самостоятельно зарабатывать на свою работу собственными силами, а с другой — лишить возможности воспользоваться чьей-либо помощью; распугать потенциальных партнеров,

наказать потенциальных благотворителей.

Среди прочих обстоятельств, негативно влияющих на возможности российской прессы зарабатывать на собственное существование, отметим тот факт, что российское законодательство на протяжении последних 15 лет последовательно сокращает рекламный рынок для электронных и печатных медиа, то отрезая от него целые сегменты (табачные изделия и алкогольные напитки, медикаменты, биоактивные добавки и медицинские услуги), то навязывая рекламоделю жесткие ограничения по содержанию рекламных сообщений (как в случае с финансовым и банковским сервисом, юридическими и образовательными услугами). Все это делается под лозунгом “защиты прав потребителей”, однако законодательно оформляется так, чтобы нанести рекламному рынку наибольший ущерб.

Систематически сокращаются розничные торговые сети, готовые работать с прессой. В крупных городах — особенно в Москве и Санкт-Петербурге — сегодня почти не осталось когда-то привычных газетных киосков: городские администрации отказываются предоставлять им льготы на аренду площади, необходимой для установки торговых павильонов (такой льготный режим существовал в 90-е годы), и в этих обстоятельствах владельцы переходят на более выгодные для них виды коммерции — от цветов до фастфуда.

Хорошо известен также казус с вступившим в силу с 1 января 2016 года двадцатипроцентным ограничением для присутствия иностранного капитала в компаниях, владеющих российскими медиа. Новый запрет затронул несколько крупных издательских домов, работающих в России и издающих прежде всего цветные журналы и газеты, относящиеся к качественному сегменту (Sanoma Independent Media, Burda, Bauer Media и пр.).

Помимо этих масштабных решений государства, затрагивающих интересы медийной индустрии в целом, время от времени можно видеть и “точечные” меры, направленные на уничтожение экономической основы конкретного медиа — например, независимого телеканала “Дождь”. В феврале 2014 года внезапно и совершенно синхронно (в течение буквально двух-трех суток) к нему утратили

всякий коммерческий интерес несколько десятков кабельных операторов, ранее распространявших его сигнал на основе договоров, которые они считали вполне для себя выгодными. Аудитория телеканала тогда одноmomentно сократилась на 80%, что лишило его практически всех рекламных контрактов. Массовому отказу вещателей от сотрудничества предшествовала истерическая пропагандистская кампания в официальной прессе и на государственных телеканалах: по совершенно надуманному поводу “Дождь” был обвинен в оскорблении памяти жертв блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Воспитание предпринимателя. Поддержка гражданской активности смертельно опасна для бизнеса

Это был единый процесс: с одной стороны — закрепощение медийной среды, взятие под контроль информационной индустрии, систематическое ограничение свободы слова; с другой — запугивание российского бизнеса, чтобы он полностью отказался от поддержки всякой “отдельной от власти” политической, общественной или гражданской инициативы.

В результате государству удалось создать почти непроницаемую стену между предпринимательством и гражданской активностью. Не будем здесь останавливаться подробно на истории и технологии сооружения государством этой стены. Напомним только, что начинать хронику следовало бы еще с разрушения корпорации “Медиа-Мост” Владимира Гусинского (основные события развивались в 1999–2001 годах). Вторым важнейшим эпизодом надо считать разграбление нефтяной компании ЮКОС (в 2003–2004 годах) и уничтожение финансируемой ЮКОСом организации “Открытая Россия”, которая стимулировала развитие гражданских инициатив и различных форм общественной активности.

В итоге этих двух операций (и целой вереницы последующих аналогичных, хотя и не таких оглушительных) типичный российский предприниматель твердо уяснил себе, что контакты с некоммерческими организациями и гражданской “самодеятельностью” несут

в себе прямой риск для самого существования его бизнеса. Неосторожные действия (то есть не согласованные с властью, прямо ею не одобренные) делают компанию объектом пристального интереса полиции, прокуратуры, следствия, ФСБ, налоговых, таможенных и антимонопольных органов, пожарных, санитарных, природоохранных, трудовых инспекций.

Так, еще в 2005 году концерн “Нефтяной”, принадлежавший одному из богатейших на тот момент российских предпринимателей Игорю Линшицу, подвергся массивной синхронной атаке нескольких контрольных и правоохранительных органов и оказался на грани закрытия и банкротства после того, как на пост его вице-президента был назначен Борис Немцов, опальный экс-вице-премьер российского правительства, один из самых заметных лидеров демократической оппозиции. После увольнения Немцова претензии к “Нефтяному” быстро и безболезненно рассеялись.

Финансовая группа “Альфа” предпочла в 2011 году расстаться с Владимиром Ашурковым, занимавшим ответственный менеджерский пост в одной из ее компаний, после того как тот перестал скрывать, что в свободное от работы время сотрудничает с Фондом борьбы с коррупцией Алексея Навального. В апреле 2012 года один из владельцев “Альфы” Михаил Фридман прямо объяснил в своем интервью, что у Ашуркова “было право выбора: либо не заниматься политикой, либо уходить из бизнеса”. “Мы живем в России, и, безусловно, вовлечение в такую активную политическую жизнь в наших российских условиях, в общем, для бизнеса не вполне приемлемо”, — добавил тогда Фридман⁵.

В апреле 2014 года известный российский предприниматель и финансист Альфред Кох заявил, что против него заведено уголовное дело и издано постановление о его аресте. Кох обвинялся в “контрабанде произведений живописи”: в вину ему была поставлена попытка вывоза картины, оцененной экспертами в эквивалент \$200. В его доме и в его офисе были проведены обыски и выемки документов. Сам он заявил, что не намерен возвращаться в Россию из-за границы. Еще в начале 2000-х годов он тесно сотрудничал с кремлевскими

и силовыми структурами, в частности был одним из идеологов и руководителей операции, целью которой было разрушение компании “Медиа-Мост”. Однако после массового подъема гражданской активности в России в 2011–2012 годах стало известно, что он неоднократно оказывал финансовую помощь разного рода общественным инициативам и НКО, в частности поддерживал фонд “Русь сидящая”, ассоциацию “Агора”, несколько сообществ, занимавшихся организацией наблюдения на выборах и разоблачением фальсификации голосований. Перечень таких примеров нетрудно продолжить.

Третий срок. Ужесточение контроля

С началом третьего президентского срока Путина реализация этой системы тотального государственного контроля стала еще изощреннее.

Формулу “кто платит, тот и заказывает музыку” Путин множество раз повторял в своих публичных выступлениях и интервью. Сегодня тот же базовый принцип власти принял несколько усовершенствованную форму: важно не то, что никто не может сам прокормиться, а то, что мы сами всех, кого надо, кормим с руки.

Путинское государство настаивает на том, что только оно вправе быть “источником жизни” и в информационной среде, и в сфере общественной активности. Теоретически возможна любая общественная деятельность, однако только само государство вправе предоставлять для нее материальную и организационную основу либо в этой основе отказывать. Этот подход становится все более и более универсальным, пронизывающим всю практику взаимоотношений государства и общества на всех уровнях. На какой угодно вопрос, обращенный к чиновнику любого ранга, — “А можно?” следует стандартный ответ, что может и можно, а может, нельзя, — это мы тут сами решим. Но имейте в виду, что даже если и можно — денег все равно будете просить у нас.

Это и есть важнейший элемент выстроенной путинским государством системы кон-

троля над общественной жизнью и главная его надежда на принципиальное и окончательное решение неприятного и хлопотного вопроса об общественных инициативах.

Значит ли это, что у сообщества гражданских активистов в России, задумавших общественно значимый проект и почувствовавших в себе достаточно желания и энергии, чтобы приняться за его осуществление, нет никакого шанса выжить в таком вот намеренно устроенном для них “голодном краю”?

Нет, не значит.

В России сегодня по-прежнему удается сохранить активность — а в ряде случаев заметно нарастить и расширить ее — десяткам ярких и по-настоящему эффективных гражданских организаций. По-прежнему работает целая группа НКО, оказывающих юридическую помощь населению, несмотря на постоянное давление и бесконечные суды и штрафы, которым их подвергают за отказ от оскорбительного ярлыка “иностранный агент”. На выборах присутствуют тысячи добровольцев-наблюдателей, рекрутированных и подготовленных несколькими мощными сообществами, действующими вопреки необходимости перерегистрироваться, менять названия и иногда переходить на почти “подпольные” формы работы (самой известной остается тут история ожесточенного преследования, которому подверглась крупнейшая в избирательной области российская ассоциация “Голос”). Создаются новые сообщества, готовые аккумулировать разнообразные отдельные гражданские инициативы, чтобы оптимизировать работу волонтеров, более интенсивно вести фандрайзинг, более рационально использовать собранные деньги, такие как проект “Нужна помощь” или “Благотворительное собрание “Все вместе”.

Но здесь хотелось бы более подробно остановиться на одном специфическом и весьма важном факторе, благодаря которому такое сообщество оказывается способно противопоставить свою коллективную волю этой государственной стратегии. Это готовность отойти от традиционных форм бытования “солидных”, “настоящих” НКО.

Хорошо известны основные качества, непременно присущие такой традицион-

устроенной организации:

- институционализация по типовым юридическим схемам;
- формирование привычной централизованной структуры;
- финансирование по общепринятым корпоративным принципам;
- управление по традиционным административным стандартам.

Но что будет, если осознанно отказаться от этих требований? Что если опереться, наоборот, на желание множества отдельных активистов объединяться в подвижные, гибко организованные сообщества, в которых общие задачи — иногда очень масштабные и сложные — ставятся и реализуются за счет эффективного распределения усилий, создания сетевой структуры на принципах краудсорсинга?

На мой взгляд, исключительно интересным и успешным примером такого коллективного ответа на вызов, предложенный государственным “порядком” современной России, стало создание “Вольного сетевого сообщества “Диссернет””.

“Фабрика неприятностей для элиты”. Зачем чиновнику диссертация?

“Вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачению мошенников, фальсификаторов и лжецов” — так определяют сущность своей инициативы основатели этого гражданского проекта, в числе которых и автор данной статьи. Фактически его деятельность началась в самом конце 2012 года, но датой полноценного публичного “запуска” основатели считают 1 апреля 2013-го, когда для посетителей был открыт общедоступный сайт www.dissernet.org.

На “витрине” сообщества “Диссернет”, то есть в разделе “основатели” на его сайте, фигурируют всего четыре человека — трое ученых и один журналист. Именно эти “физические лица” изначально приняли на себя обязанность представлять сообщество во всех внешних контактах, высказываться от его имени, обеспечивать связи с прессой, при не-

обходимости отвечать за его действия в судах.

Однако в реальности сообщество включает в себя — к сегодняшнему дню — несколько сотен активистов, с большей или меньшей интенсивностью участвующих в общей работе и сохраняющих при этом анонимность. Почти все эти люди имеют отношение к научной или образовательной сфере и географически рассеяны довольно широко. Многие из них живут за пределами России, работая в авторитетных научных центрах в Соединенных Штатах, Канаде, Германии, Великобритании, Франции, Италии, Испании, Финляндии, Чехии, Израиле, Австралии. Все это вполне обеспеченные люди, добившиеся заметного профессионального успеха. При этом в каждом из них обнаруживается запас социальной энергии, желание принимать участие в общественной жизни России и в развитии ее научно-образовательной сферы в особенности.

“Участники сообщества совместными усилиями, основанными на принципах сетевого распределения труда и использовании современных компьютерных технологий, противодействуют незаконным махинациям и подлогам в области научной и образовательной деятельности, в особенности в процессе защиты диссертаций и присвоения ученых степеней в России”, сообщается в “Манифесте “Диссернета”. Между тем работа сообщества вовсе не исчерпывается интересом к внутренней жизни и деятельности узкой корпорации профессиональных научных работников.

Среди представителей российского политического и околополитического истеблишмента рядовым явлением оказалось присвоение фальшивых ученых степеней. Губернаторы, сенаторы, члены правительства, депутаты Государственной Думы и местных законодательных собраний, судьи, прокуроры, полицейские, военные, адвокаты, врачи, бизнесмены, партийные функционеры, священники, журналисты — изучив резюме любого сколько-нибудь заметного деятеля сегодняшней России, вы обнаружите, что он является обладателем кандидатской или докторской степени по каким-нибудь наукам.

Значительное большинство диссертаций, защищенных для получения этих степеней, были тем или иным способом фальсифици-

рованы. Иногда — изготовлены на заказ в одной из тысяч “консультационных фирм”, активно рекламирующих свои услуги в интернете и в газетных разделах частных объявлений. Иногда — куплены в готовом виде. Иногда — самостоятельно украдены целиком или переписаны из чужих работ. Понятно, что не меньшее распространение фальшивые ученые степени получили в самой же научно-образовательной сфере — среди ректоров университетов и администраторов, директоров школ, руководителей научных институтов и исследовательских лабораторий.

Масштаб явления заставляет говорить о существовании в России целой индустрии фальшивых диссертаций: со своими крупными производственными комбинатами и мелкими кустарными мастерскими, со своей подвижной рыночной конъюнктурой, с технологическими новациями, с развитой инфраструктурой рекламы, маркетинга, изучения спроса и продвижения услуг. Как и любая другая крупная индустрия сервиса, “диссертационная промышленность” не дожидается пассивно интереса клиента, а активно продвигает свои услуги и товары, интенсивно расширяя круг потенциальных покупателей, предлагая им все более изощренный и индивидуализированный сервис, используя системы поощрений за лояльность клиента, оптовые скидки и рекламные промо-акции.

Успехи этой индустрии огромны. Бурный ее расцвет случился на рубеже 1990–2000-х годов, когда библиотеки и научные хранилища организовали массовую оцифровку научной литературы и диссертаций прежних лет, что сделало поиск нужного “сырья” и компиляцию новых фальсифицированных работ простой технологической процедурой.

Забегая вперед, можно сказать, что анализ сведений, накопленных за три года работы “Диссернета”, показывает, что около 4% всех диссертаций, защищенных в России, следует считать фальсифицированными. При этом “поддельными” — то есть, попросту говоря, ворованными — оказываются:

- более 17% работ, защищенных директорами московских школ;
- более 21% диссертаций ректоров высших учебных заведений по всей России;

- более 29% диссертаций губернаторов российских регионов;
- более 41% диссертаций депутатов Государственной Думы.

Спустя уже четыре-пять лет после появления значительного оцифрованного массива диссертаций и научных источников наличие ученой степени прочно заняло свое место в ряду престижных атрибутов “по-настоящему успешного человека”, наряду с шикарным автомобилем, роскошными часами и сшитыми на заказ дорогими итальянскими костюмами. Соображения такого извращенного престижа и вульгарной “моды” в большинстве случаев объясняют желание людей, ни минуты не имевших отношения к науке или образованию, обзавестись титулами кандидатов и докторов разнообразных (чаще всего все-таки гуманитарных и общественных) наук. Однако распространению эпидемии способствовали и другие причины.

В ряде сфер профессиональной деятельности наличие ученой степени является хоть и неформальным, но непреложным фактором успеха при продвижении по карьерной лестнице. Такова, например, вся правоохранительная область. Районный судья, решивший подняться на городской уровень, должен быть кандидатом юридических наук. Так же, как и полицейский, претендующий на пост начальника городского отдела полиции, или районный прокурор, пытающийся взобраться на следующую карьерную ступень. То же самое происходит в медицине: врач, намеренный занять пост заведующего отделением в больнице, должен быть кандидатом, а когда речь идет о poste главного врача клиники — доктором наук. Не иначе обстоит дело и при назначении директоров общеобразовательных средних школ, департаментов в городских и региональных администрациях и т.п. Все эти “квалификационные требования” нигде не записаны, однако известны всем и неукоснительно исполняются. В какой-то степени эта ситуация напоминает армейскую дедовщину — старший начальник говорит подчиненному: “Я когда молодой был — мучился; а теперь ты тоже помучайся, как все”.

Кроме того, преподавательская или научная работа остается одним из последних раз-

решенных законом и административными регламентами видов “сторонней деятельности” для депутатов и госчиновников. И именно гонорары за таинственные “лекции”, “консультации”, “помощь в подготовке методических материалов” часто становятся удобной и безопасной для получателя формой коррупции.

Все эти факторы вместе — наличие обширного платежеспособного спроса, подкрепленного и модой, и корпоративными порядками, и административным регламентом, а также бурное развитие высокотехнологичного массового предложения на “диссертационном рынке” — стали одной из причин того, что активисты “Диссернета” называют “репутационной катастрофой”. Речь идет о массовом, буквально тотальном засилье в разных сферах государственной, деловой и общественной жизни России людей с фальшивыми репутациями. То есть таких людей, которые в действительности не являются теми, за кого они себя выдают.

Таким образом, работа “Диссернета”, имевшая на первых порах вид весьма специфической и узконаправленной борьбы с фальшивыми диссертациями, довольно быстро приобрела гораздо более широкий, универсальный смысл, превратившись в борьбу с фальшивыми репутациями.

Отсюда оставался всего один шаг до главного “политического лозунга”, весьма нетривиального, даже новаторского для сложившейся в России политической системы, во многом построенной на тотальной безответственности элиты, на отсутствии самой идеи контроля избирателя, гражданина за поступками политика, руководителя, лидера: **РЕПУТАЦИЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ**”.

Оказалось, что исследование диссертаций на предмет наличия в них чужого ворованного текста, а также грубых и намеренных нарушений регламента подготовки научных работ (речь идет, например, о фальсификации публикаций научных статей в специализированных журналах, а иногда и о предоставлении ложных сведений об издании целых монографий, необходимых для получения докторской степени) становится очень простым, технологичным и надежным методом “экспресс-анализа” деловых, профессиональ-

ных, нравственных качеств владельца исследуемой работы. Именно “владельца” — слово “автор” в “Диссернете” на всякий случай стараются не употреблять.

Такой анализ диссертации эксперты “Диссернета” часто сравнивают с анализом крови: взяв каплю крови из пальца, врач не интересуется кровью как таковой, он пытается по ее составу определить состояние внутренних органов и жизненно важных систем организма. Так же точно, изучив диссертацию и обстоятельства ее приобретения, “Диссернет” получает возможность оценить ключевые качества человека, поставившего свое имя на ее титульном листе.

При этом эксперты “Диссернета” не берут на себя права оценивать содержательную, смысловую сторону исследуемого текста. “Диссернет” не пытается отличить “хорошую” диссертацию от “плохой”, “умную” от “глупой”, “новаторскую” от “пустой”. Все это — область интересов собственно научного сообщества, специалистов в данной области научного знания, и “Диссернет” не пытается подменить их собою, не выдает себя за эксперта во всех на свете науках. Внимание “Диссернета” концентрируется только на формальных критериях добросовестности, честности, корректности подготовки научной работы и процедуры его защиты.

“Принцип муравейника”.

Сетевое сообщество строит себя само

Круг участников сообщества складывался постепенно, методом “снежного кома”, который, однако, в данном случае катился не торопясь: новый член общей команды мог появиться только по прямым рекомендациям уже работающих там коллег. Впрочем, общее число участников и даже их географическое размещение довольно быстро перестало быть известно даже основателям проекта. И дело тут не в излишней склонности к конспирации. Структура сообщества по мере разрастания начала выстраиваться по “гнездовому” принципу: некоторые его члены стали выдавать ежедневно такой объем работы, который од-

ному человеку явно не по силам. Это означает, что за такими людьми скрывается какая-то “суб-группа”: кто эти люди, сколько их, где конкретно они находятся, как в точности организовано распределение обязанностей между ними, — так и остается неизвестным, и коллеги по общей работе предпочитают этим не интересоваться. В конце концов, это и не так важно; зато имеет значение, что хорошо зарекомендовавший себя “фронтмен” такой подгруппы несет всю полноту ответственности за качество и надежность общей работы, которую он вкладывает в общую копилку, и под которой “подписывается”.

Так оказывается, что сеть участников сообщества естественным образом расширяет и надстраивает себя сама, по мере усложнения и умножения рабочих задач.

Тем не менее работа сообщества по мере его разрастания постепенно организовалась в достаточно сложную технологическую цепочку, обеспечивающую высокую эффективность, скорость и надежность проведения экспертиз и обработки их результатов. Структура эта строится вокруг сайта и сервера dissernet.org, имеющего весьма значительную “непубличную” часть, доступную только членам сообщества. Именно здесь накапливается массив исходных текстов, ожидающих проверки, отсюда авторизованный участник сообщества может взять тот или иной фрагмент работы, ожидающей исполнения, а потом сюда же поместить результат своего труда.

По существу, работа организована методом “муравейника”, когда каждый член сообщества тащит свою маленькую “щепочку”, перенося ее из бесформенной кучи несделанной работы в стройное сооружение сделанной. Обязанности разных участников могут сильно отличаться друг от друга: одни берут на себя поиск и сбор исходных материалов, необходимых для анализа, другие разрабатывают и совершенствуют программные продукты, используемые при проведении сравнительных экспертиз, третьи ведут собственно сами эти экспертизы, четвертые контролируют и перепроверяют уже сделанную работу, пятые готовят аналитические сводки и формальные юридические документы по результатам законченных экспертиз, шестые готовят инфор-

мацию к публикации и выкладывают на сайт, последние публикуют общественно важные материалы в социальных сетях, продвигают и промоутируют их.

Важнейшей особенностью работы “Диссернета” остается то, что и первичная обработка информации, и сами экспертизы, и анализ результатов проводятся живыми людьми, а вовсе не “машинным способом”. Программный автоматизированный анализ используется только на ранних этапах обработки информации, для того чтобы указать экспертам общие направления дальнейшего поиска, который осуществляется уже “руками” и “глазами”.

Результаты экспертиз отображаются в виде типовых диаграмм, на которых каждая страница проверенной работы отмечена цветом как самостоятельная или позаимствованная (полностью или частично) у того или иного источника. Каждая такая ворованная страница кликабельна: любой желающий может своими глазами сравнить проверенный текст с источником заимствования, увидев, что именно и откуда именно украдено. Сам вид таких “фирменных” таблиц-диаграмм стал постепенно легко узнаваемым и привычным для публики.

Первые несколько месяцев работы сообщества сопровождалось громкими разоблачительными скандалами в прессе и в информационных сетях. Каждая новая экспертиза, посвященная фальшивой диссертации какого-нибудь широко известного деятеля, становилась почти сенсацией, бурно обсуждалась журналистами и блогерами. “Диссернет” стали называть “идеальным троллинговым проектом”, рассчитанным на систематическое “избиение” всяческих политических знаменитостей, последовательную “десакрализацию власти”, безжалостное “осмеяние государственных авторитетов”.

Основатели сообщества и те, кто берет на себя публичные выступления от его имени, сообщает в блогах и в прессе о его текущей работе, публикует итоги экспертиз и аналитические обзоры, приложили немало усилий, убеждая читателей, что работа сообщества не инспирирована никакими политическими группами и не ставит перед собой специаль-

ной цели дискредитации каких-то “политических противников”. Но поскольку первыми объектами внимания “Диссернета” оказались люди, занимавшие заметные государственные и вообще “начальственные” посты, общая интонация публикаций оказалась отчетливо критической по отношению к российской власти.

Тем временем “программная группа” участников “Диссернета” разработала несложную поисковую программу-“робота”, которая позволила проводить поточным методом выявление и систематическое изучение диссертаций, выбранных по заранее заданным критериям. Начались “ковровые проверки” обладателей ученых степеней определенного сорта: к примеру, были изучены все научные работы, написанные в течение последних десяти лет всеми депутатами законодательных собраний всех субъектов Российской Федерации, всеми судьями всех судов, начиная с самого нижнего районного уровня, всеми губернаторами регионов, всеми председателями всех участковых избирательных комиссий в стране. Проводились и тотальные проверки работ, защищенных по определенной научной специальности, в определенном научном учреждении, под руководством определенного профессора, по определенному кругу тем, очерченному заранее заданными ключевыми понятиями, и т.д.

Понятно, что такие тотальные проверки проводились с использованием машинного отсева на ранних этапах: “робот” сначала обшаривал интернет, составляя полный список персон заранее определенного типа, потом выделял из них тех, кто вообще когда-либо защищал диссертации, потом отсеивал защищенные более десяти лет назад, потом определял круг работ, имеющих масштабные совпадения с другими текстами. И только эти последние “подозрительные” работы попадали на проверку экспертам.

Благодаря такому методу тотальных проверок “Диссернет” вскоре стал располагать огромной базой данных о проверенных работах, которая включала и сведения об их происхождении: месте защиты, именах научных руководителей, оппонентов, членов диссертационных советов, обеспечивших успешное

прохождение “фальсификата” через все регламентные фильтры. Таким образом начали постепенно накапливаться сведения не только о нечистоплотных “покупателях” наукообразных фальшивок, но и о тех, кто поставлял их на диссертационный рынок и обеспечивал спрос. Уже эта информация сделалась предметом вторичного анализа, позволившего изучить индустрию производства и торговли фальшивыми диссертациями. Этот анализ, в свою очередь, стал основой для выводов о том, что принятая система аттестации научных кадров не способна защитить научную среду от недобросовестности, злоупотреблений, а иногда прямого мошенничества, дискредитирующего саму идею присуждения ученых степеней.

Параллельно с экспертной работой “Диссернету” удалось развернуть и прямое давление на участников диссертационного рынка. Практически каждая фальсифицированная работа, в случае если к моменту проведения экспертизы оказывается, что срок давности для ее обжалования не истек, становится поводом для подготовки юристами сообщества формального “Заявления о лишении ученой степени”, направляемого для рассмотрения в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве науки и образования РФ. На сайте “Диссернета” в начале 2015 года появился специальный раздел, посвященный хронике событий на этом “бюрократическом фронте”, где отслеживаются все этапы прохождения таких заявлений по инстанциям и фиксируются результаты разбирательств. Во многих десятках случаев такие процессы заканчиваются-таки тем, что обладатели фальшивых диссертаций лишаются ученых степеней, полученных ими незаконно.

Известно и несколько случаев, когда владельцы обнаруженных фальшивок добровольно отказывались от ученых степеней, опасаясь позора, который неизбежно ждал их при формальном рассмотрении поданных “Диссернетом” апелляций.

Эта, формально-бюрократическая, сторона деятельности “Диссернета” потребовала появления в составе участников сообщества новых “специальностей”. Во-первых, возросший объем юридической работы при состав-

лении заявлений заставил обратиться к помощи большого числа квалифицированных юристов. Во-вторых, пришлось собрать целую группу поддержки из авторитетных ученых различных научных специальностей, обладающих научными степенями, не вызывающими никаких сомнений, которые готовы были бы своими подписями визировать формальные апелляции “Диссернета”. К участникам этой группы “Диссернет” обращается всякий раз, когда необходимо дать законный ход заявлению об обжаловании диссертации в соответствующей научной области: и ВАК, и члены диссертационных советов, где впоследствии будут рассматриваться эти дела, более внимательно относятся к заявлениям “Диссернета”, если, к примеру, под требованием о лишении ученой степени юриста стоят подписи кандидатов и докторов юридических наук, если речь идет об историке — исторических, и т.д.

Любопытно, что тактика самообороны обладателей сомнительных, с точки зрения их самостоятельности, диссертаций оказалась построена главным образом вокруг борьбы за регламентное положение ВАК о сроке давности для предъявления каких бы то ни было претензий или апелляций.

Сам по себе срок давности для апелляций по диссертациям был введен еще в 1989 году: тогда он был определен в десять лет. Однако в 2009 году ВАК сократила его до трех лет. Создалась нелепая ситуация, в которой даже полностью, от первой до последней буквы, украденная у другого автора диссертация по истечении трех лет объявлялась как будто бы доброкачественной, и упрекнуть ее автора становилось уже невозможно.

В 2013 году министерство образования и науки провело через Правительство РФ постановление, которым срок давности снова продлили до десяти лет, но с “проактивной оговоркой”: все диссертации, защищенные ранее 1 января 2011 (то есть те, для которых на день вступления в действие этого постановления прошли три года со дня защиты), остались “под амнистией”. Понятно, что такая оговорка нарушает базовую норму права о том, что “закон един для всех”, создавая ничем не объяснимые льготы для плагиаторов 2006-2010 годов.

Между тем здесь налицо гораздо более серьезная законодательная коллизия: положение о сроке давности как таковом входит в конфликт со статьями 208, 1228, 1250, 1251, 1265, 1267 Гражданского кодекса РФ, которые бессрочно защищают авторское право.

Осенью 2015 года три депутата Государственной Думы, пытающиеся отстаивать свое право на самостоятельность и не подчиняться тотальной “дисциплине”, навязанной администрацией президента, – Дмитрий Гудков, Илья Пономарев и Олег Смолин — стали инициаторами законопроекта, которым срок давности отменялся в принципе. Однако законопроект был отклонен солидарным голосованием депутатов фракции “Единая Россия”.

Почти немедленно после этого голосования экономисты Олег Моногаров и Сергей Калиновский – оба лишённые кандидатских степеней после того, как “Диссернет” обнаружил в их работах массивные заимствования и подал формальные жалобы в ВАК, — подали в суд на Правительство РФ, требуя возвращения 3-летнего срока давности для всех диссертантов. Создалась парадоксальная ситуация, в которой чиновники министерства образования и науки, руководство Правительства РФ и члены сообщества “Диссернет” вдруг оказались по одну сторону судебного процесса. Понятно, что правительство в этом процессе сражалось вовсе не за право “Диссернета” продолжать свою деятельность, а попросту против попытки оспорить свою собственную компетентность и целесообразность принятого самим правительством решения.

Калиновский и Моногаров довели свой иск до рассмотрения в Верховном суде РФ, но 16 марта 2016 года их требования были окончательно отклонены. 10-летний срок давности устоял, и у “Диссернета” сохранилась возможность продолжать систематическое преследование диссертационных мошенников, развивая массовое производство и рассылку своих ЗОЛУСов, как на внутреннем жаргоне активистов сообщества называются эти “Заявления о лишении ученой степени”.

Благодаря ежедневно обновляемому разделу свежих экспертиз, потоку новостей о прохождении по инстанциям диссернетов-

ских ЗОЛУСов, а также недавно открытому разделу «Диссеропедия российских вузов», в котором выложены в удобном для поиска и анализа виде сведения о «диссероделательном производстве» в нескольких сотнях российских учебных университетов и институтов, сайт “Диссернета” стал полноценным информационным ресурсом. Содержащим по-настоящему значительный объем регулярно пополняемой и обновляемой оригинальной информации. Он постепенно сделался весьма популярным не только у обычной читающей публики, сколько у журналистов, в том числе из различных региональных и специализированных изданий и информационных порталов. Информация с сайта “Диссернета”, предоставляемая свободно и бесплатно, оказалась для них исключительно интересной: теперь сотни региональных журналистов регулярно возвращаются к материалам “Диссернета” в поисках свежих сведений о “своих” героях. Этими “своими” становятся депутаты региональных парламентов, судьи, прокуроры, чиновники, бизнесмены местного масштаба, руководители и профессора местных учебных заведений.

К нынешнему моменту на сайте “Диссернета” появляется не менее двух-трех новых персональных экспертиз ежедневно, здесь выкладываются аналитические обзоры, диаграммы, тематические подборки и “коллекции” материалов.

“Нет головы — нечего оторвать”. Сетевое сообщество пытается стать неуязвимым

Вся эта технологическая структура, выдающая для дальнейшего использования и распространения огромный объем информации, оказалась, тем не менее, достаточно дешевой. Постоянной оплаты в “Диссернете” требует только работа наемных специалистов — части юристов, техников и редакторов, развивающих и поддерживающих сайт. Заметными статьями в бюджете стали расходы на приобретение и копирование части текстов, необходимых для проведения экспертиз, у различных платных хранилищ и информационных

банков. Кроме того, все дороже обходятся постоянные разъезды представителей “Диссернета” для участия в заседаниях диссертационных советов, где рассматриваются Заявления о лишении ученых степеней, поданные экспертами сообщества.

Кстати, именно эта вновь появившаяся часть работы — участие в публичных слушаниях и заседаниях — заставила “Диссернет” постепенно расширить круг членов сообщества, представляющих его открыто, не скрывающих своих имен и своей причастности к общей работе.

И все же бюджет “Диссернета” остается крайне скромным. На раннем этапе небольшой “стартовый капитал” удалось собрать при помощи краудфандинговой кампании в интернете, на специализированном портале, организующем такие публичные акции. В дальнейшем бюджет стал пополняться за счет систематических пожертвований частных лиц.

Весьма успешной оказалась система привлечения добровольцев для приобретения платных сервисов и аккаунтов в интернет-библиотеках, откуда добывается большинство исходных материалов для экспертизы: при помощи Фейсбука и других социальных сетей удается регулярно расширять круг тех добровольных помощников, которые соглашаются открывать личные аккаунты в хранилищах и помогать “Диссернету” в сборе информации. Это тоже позволило сильно сократить общий бюджет.

В целом система финансирования расходов “Диссернета” проще всего может быть описана как полное отсутствие всякой централизованной системы. Сообщество не имеет общего банковского счета или единой “кассы”, сбор пожертвований происходит одновременно на несколько персональных счетов физических лиц в различных электронных платежных системах, вроде Яндекс-Денег, Web-money и PayPal, а также в обычных банках. Оттуда средства направляются на различные расходы: оплату сервера и обслуживание сайта, транспортные и почтовые расходы, гонорары регулярно сотрудничающим специалистам (в основном юристам) и исполнителям разовых услуг, пополнение аккаунтов для

доступа в информационные базы данных и к платным интернет-сервисам.

Такая распределенная финансовая структура, по мнению участников, наилучшим образом приспособлена к работе, организованной по принципу “Чеширского кота”, в полном соответствии с классической фразой Алисы, которая “видала котов без улыбки, но улыбки без кота...”

В самом деле: когда нет головы — нечего и отрывать. Вот самые лучшие гарантии устойчивости и безопасности в работе организации.

Очевидно, что “Диссернет”, представляющий собою постоянно действующую фабрику неприятностей для огромного количества влиятельных, а иногда и могущественных, деятелей российской околоставной элиты, не просуществовал бы и недели, если бы его можно было локализовать в виде конкретной структуры. Но у “Диссернета” нет рабочего помещения, и поэтому это помещение нельзя опечатать. У него нет стационарного сервера, и поэтому этот сервер нельзя конфисковать. Нет банковского счета, и поэтому этот счет нельзя заблокировать. Нет бухгалтерской и кадровой документации, и поэтому ее нельзя изъять.

Даже домен “Диссернета” и виртуальный сервер, на котором хранится накопленная база данных, зарегистрирован на физическое лицо у международного регистратора, не раскрывающего личности своих клиентов.

Поскольку сами участники сообщества работают в удаленном распределенном режиме, связь друг с другом они поддерживают с помощью электронной почты и нескольких разных интернет-мессенджеров. Никакого единого центра концентрации или рассылки сообщений у “Диссернета” также не имеется.

В общем смысле, “Диссернет” организован так, чтобы быть “размазанным” в как можно большем пространстве и не иметь ни одной чувствительной точки, которую можно было бы заблокировать или удалить и таким образом парализовать его работу. Исключение любого из его участников нисколько не повредит движению общего “конвейера”, каждый отдельный специалист может быть легко замещен множеством участников сообщества,

выполняющих параллельно аналогичные функции.

В сущности, речь идет о плоской, одноуровневой сети, не имеющей иерархической структуры и управляющего центра. Это пример краудсорсинговой конструкции, поддерживающей свою работоспособность в силу рационального внутреннего распределения задач и постоянно достраивающей и расширяющей самое себя в зависимости от усложнения и развития общих целей.

Конечно, успех в организации такой структуры был обусловлен удачным сочетанием многих факторов, которые не так часто удается собрать вокруг одной творческой идеи.

Прежде всего — это высокая степень мотивированности участников. Как уже было сказано, большинство активистов сообщества — профессиональные научные работники: им свойственна особая заинтересованность и сочувствие к состоянию науки, исключительно ответственное отношение к профессии, редкая в наше время эмоциональная “включенность” в раз избранное дело. Многие из них очень горячо и искренне переживают, видя, что наука делается почвой для развития низких и стыдных человеческих пороков — тщеславия, лицемерия, готовности к достижению карьерного успеха бесчестными методами. Именно “обида за отечественную науку” становится для них основным мотивом, чтобы упорно, день за днем, отдавать немало времени и сил коллективному действию, которое не сулит им никакого вознаграждения и уж тем более никакой славы.

Весьма ценными оказались и некоторые специфические профессиональные качества, свойственные людям, посвятившим жизнь научным исследованиям. Они очень упорны, интеллектуально выносливы, умеют подолгу концентрироваться на выполнении кропотливой работы, требующей сосредоточенности и методичности. У них есть опыт участия в крупных коллективных исследовательских проектах, подразумевающих распределение общей рабочей задачи между многими исполнителями, каждый из которых самостоятельно контролирует свой рабочий график и отвечает за качество своего вклада в общее дело.

Они умеют самостоятельно оптимизировать свой труд, накапливать полезные навыки и делиться ими с партнерами по общему рабочему процессу.

В то же время нет сомнений, что такой тип одноуровневой сетевой структуры создает для своих организаторов и дополнительные сложности.

Прежде всего, запутанная (по меньшей мере, на сторонний взгляд), построенная во многом на взаимном доверии, децентрализованная система финансирования отдельных задач и функций резко усложняет общий фандрайзинг. Потенциальные жертвователи нередко отказываются участвовать в финансировании организации, которая не способна описать систему своего внутреннего бюджетирования и предоставить ясную финансовую отчетность. Сотрудничество со многими организациями, следующими четким внутрикорпоративным правилам выбора партнеров и взаимодействия с ними, тоже оказывается невозможным в ситуации, когда потенциальный грантополучатель не имеет ясно описанной организационно-правовой формы. Почти исключаются и контрактные отношения (в деятельности “Диссернета”, к примеру, было немало случаев, когда крупные научные и учебные заведения готовы были вступить с сообществом в партнерские отношения, чтобы воспользоваться его услугами как постоянно действующего стороннего “аудитора” выпускаемых научных работ, но отказались от этой идеи из-за отсутствия юридического лица, с которым можно было бы заключить формальный контракт).

Одноуровневая система коммуникации между участниками тоже оказывается не самой рациональной и удобной в текущем рабочем процессе. Переписка “всех со всеми” порождает громадный объем почты и требует от участников серьезных усилий, чтобы не потерять содержательные сообщения в этом потоке информационного шума.

Но все же представляется, что именно такой подход к созданию активистского сообщества оказывается рациональным и надежным в условиях, когда государство устанавливает все новые ограничительные нормы, а правоприменение носит издевательский характер.

О мощи и эффективности сетевых гражданских сообществ горячо и увлеченно спорят с тех самых пор, как современные средства коммуникации, и прежде всего социальные сети, стали предоставлять технологические возможности для их организации. “Диссернет” — один из примеров их успешного соз-

дания и продолжительного плодотворного функционирования. Он стал убедительной иллюстрацией того, как социальный организм адаптируется к неблагоприятной, агрессивной среде.

В полном соответствии с дарвиновской теорией.

Примечания

- 1 Полное название “закона об иностранных агентах” — Федеральный закон №121-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента”. В мае 2015 года появился и второй рычаг для выкорчевывания НКО из российской почвы — “Закон о нежелательных организациях”. Но он предназначен для борьбы с иностранными организациями, пытающимися действовать на территории России, так что масштабы его применения остаются несравнимо меньшими.
- 2 В Кремле сожалеют в связи с ликвидацией фонда “Династия”, которому никто не мешал работать // ТАСС. 2015, 8 июля. URL: <http://tass.ru/politika/2102370> (доступ 01.03.2016).
- 3 Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (доступ 01.03.2016).
- 4 МЕТЕЛИЦА Е. “Голос” оштрафован за отказ признать себя иностранным агентом // Slon.ru. 2013, 25 апреля. URL: <https://slon.ru/fast/russia/golos-oshtrafovan-za-otkaz-priznat-sebya-inostrannym-agentom--936485.xhtml> (доступ 01.03.2016); “Голос” не смог убедить Минюст в отсутствии иностранного финансирования // Интерфакс. 2014, 27 ноября. URL: <http://www.interfax.ru/russia/409757> (доступ 01.03.2016).
- 5 КРЕКНИНА А., ЯРОШ Ю. Х5 рассталась с менеджером из-за его политических взглядов // Ведомости. 2012, 13 апреля. URL: <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2012/04/13/216915-x5-rasstalas-s-menedzherom-iz-za-ego-politicheskikh-vzglyadov> (доступ 01.03.2016).